

Лу Шао Чэн был ошеломлён. Милое круглое, точно булочка, лицо мальчика, не утратившего ещё свою детскость, побледнело от испуга. Он посмотрел на старую госпожу жалкими глазами, как щенок. Видя, что Лао тай тай выглядит мрачной, он, наконец, послушно подошёл и опустился на колени перед Чу Ба Нином.

- Чэн'эр, Лин'эр был с тобой, когда он совершил преступление? - спросила старая госпожа.

Лу Шао Чэн в панике оглядел присутствующих. Был ли он молод или нет, мальчишка уже был напуган атмосферой этой сцены. В это время, увидев, что его бабушка, которая всегда была высокомерной, опустила свою голову и преклонилась перед молодым человеком, Лу Шао Чэн понял, что на этот раз ему не удастся избежать наказания.

- Д-да... - слабо ответил Лу Шао Чэн.

- Шао Чэн! - когда второй господин Лу услышал это, он был потрясён и рассержен, с печальным выражением на лице. Он думал, что Лу Шао Лин был причиной этого инцидента, но он не ожидал, что это будет связано с его младшим сыном. Его сын всегда был послушным. Он всегда всем сердцем читал писания мудрецов. Мужчина хотел прославиться, чтобы не отставать от других. Он желал стоять на одном уровне со своим третьем братом. Он никогда не позволял ему беспокоиться об этом. Как второй господин Лу мог не быть убит горем?

Семья имперского канцлера Лу в это время выглядела как неуместная театральная труппа. Зная, что сейчас не время для них говорить, они благоразумно молчали

Лу Шао Чэн обиженно посмотрел на отца и старую госпожу и тихо сказал:

- Бабушка, эта змея - Сяо Цин, домашнее животное десятого брата, и она не ядовита! Десятый брат воспитывал её в течение долгого времени, и он никогда не видел, чтобы змея кому-то причиняла боль... Бабушка, десятый брат изначально сказал, что хотел напугать седьмую сестру, но он не хотел причинять боль седьмой сестре...

- Замолчи! Ты хочешь меня разозлить? - старая госпожа поспешно прервала повествование мальчика, не дав ему продолжить и при этом поглаживая свою грудь и тяжело дыша. Она не хотела, чтобы слова этого внука раскрыли ещё больше недостатком Лу Шао Лина. Когда Лу Шао Чэн скажет то, чего не следовало говорить, Су Ван был бы в ярости. И тогда наказание её любимого внука могло стать значительно тяжелее, чем простое подвешивание на дереве.

Лу Шао Чэн опустил голову и не осмеливался взглянуть в глубокие зрачки Чу Ба Нина. Он чувствовал, что эти глаза, казалось, видят душу насквозь, заставляя людей бояться смотреть прямо.

Чу Ба Нин некоторое время смотрел на это, и когда он увидел, что дело можно считать законченным, молодой человек заговорил:

- Принимая в расчёт то, что вы впервые совершили преступление, на этот раз Бэньван не будет строго преследовать вас, - услышав это, группа людей была вне себя от радости. Однако Чу Ба Нин едва улыбнулся, приподняв уголки губ, прежде чем продолжил: - Однако, в конце концов, А Нань-ваша сестра по клану. В священном писании есть слова: "Сыновнее благочестие - есть начало добродетели, уважение к старшим - есть основа добродетели". Сыновнее благочестие - это первое и второе, но если здесь нет даже уважения к собственной старшей сестре, то о какой добродетели может идти речь? Поэтому наказание должно быть исполнено.

Когда зашла речь о "сыновнем благочестии", никто больше не мог говорить уверенно. Некоторые люди опустили головы от стыда, но некоторые смотрели на торжественного и благородного человека в оцепенении. Из-за этой лёгкой улыбки его серьёзное и решительное лицо согрелось. Это было похоже на распускающийся весенний цветок, и красивому лицу учёного негде было спрятаться. Эта улыбка была подобна солнцу, которое, поднимаясь над горизонтом, разгоняет туман в горах.

Люди, у которых не было никаких причин веселиться, начали широко улыбаться. Так что вы можете только представить, каким потрясающим эффектом обладала улыбка этого человека.

Даже имперский канцлер Лу, который имел возможность видеть Чу Ба Нина каждый день, вынужден был признать, что на самом деле внешность Су Вана очень хороша, но он слишком серьёзен. Он всегда сохранял серьёзное выражение лица, точно умудрённый опытом старик, не позволяя себе и тени улыбки. Однако ни одна девушка не могла сравниться с ним, когда он улыбался. И вот когда он был одинок, Ванъе внезапно забрал дочь из его семьи, А Нань.

Чу Ба Нин быстро вернулся к серьёзному выражению лица и посмотрел на А Нань:

- Ванфэй, что ты хочешь с ними сделать?

А Нань была ошеломлена и хотела спросить этого принца, было ли всё это сделано ради того, чтобы она могла выместить свой гнев, копившийся годами, или чтобы она навлекла на себя ещё больший гнев со стороны этих людей?

<http://tl.rulate.ru/book/28404/1995559>